

АБСОЛЮТНО ГЛУХИЕ ДЕТИ МОГУТ ГОВОРИТЬ

Специалисты потрясены. Им такой успех не снился...

Елена МУШКИНА

Ире было два месяца, когда родители с ужасом поняли: девочка глухая! Она не реагировала на окружающих, не лепетала, не гулькала, засыпала при любом шуме. Как-то музыку громкую включили, дверь хлопнула... Никакого впечатления!

Известно: чем раньше поставлен диагноз, тем результативнее лечение. Здесь лечения нет. А потому безразлично, в два месяца определен недуг или в два года. Все равно ждать! Ждать до трех лет, когда малыша отдадут в специализированный детский сад, где он освоит азбуку глухих — жесты, мимику. Потом школа для глухих. Потом общество глухих.

Глухой ребенок — значит, немой: не слыша, он никогда не научится говорить. Ире Сукачевой так и было на роду написано: жить в своей субкультуре, общаться с помощью языка жестов. А она — говорит!

Веселая, жизнерадостная, стоит Ира перед переполненным залом в Институте педагогических инноваций Российской Академии образования. И рассказывает о своей жизни.

— Кончила техникум. В 19 лет вышла замуж, сыну сейчас 11. И муж, и сын — с нормальным слухом. Работаю продавцом в магазине «Европа», в секции часов.

Потом отвечала на вопросы. Никакой закомплексованности! Иногда переспрашивает, уточняет вопрос, особенно, если задали его из последних рядов.

Нынешняя научно-практическая конференция — одна из многих, которые проводит Эмилия Ивановна ЛЕОНГАРД, кандидат педагогических наук. Именно благодаря ей глухие дети заговорили по-настоящему: речь стала для них такой же естественной потребностью, как для людей слышащих. Сначала она работала в Научно-исследовательском институте дефектологии, потом в институте дошкольного воспитания, а теперь создала Центр по обучению и социокультурной реабилитации детей с нарушением слуха.

Нарушение слуха — понятие растяжимое. У слабослышащих степень недуга разная. У глухих, увы, вариантов нет...

Рядом с Ирой — товарищи по несчастью, которые тоже родились глухими. Но и им выпало счастье — встретились с Леонгард. Все учились в обычных массовых школах, азбуку глухих вообще не знают.

Юля Гаранина: Школа была с математическим уклоном. Потом Станко-инструментальный институт. Программист. Работаю на компьютере. Дочке 4 года. Слышит. Люблю танцы, хожу на выставки, в театр. Конечно, лучше балет, но можно и драматический. Слышу не каждое слово, сказанное на сцене, но понимаю все.

Ира Яхлакова: Кончила Бауманский.

Работала недолго, потому что родилась дочка. Через три года — вторая. Девочки прекрасно слышат, у мужа потеря слуха частичная. Он поет, увлекается спортом. Стараюсь не отставать.

Маша Бубнова: Приехала из Нижнего Новгорода. Месяц назад вышла замуж. Муж психолог, слышит нормально. Я заканчиваю исторический факультет. Свободно говорю по-английски, играю на фортепьяно. Очень люблю музыку Скрябина, но больше всего — духовную. Читаю лекции в школе искусств для людей с нарушенным слухом. Наверное, там и буду работать. Правда, есть приглашение в аспирантуру.

Ну и наконец слово получили школьницы — Ира Хмелинина, ученица 11-го класса из Омска, и третьеклассница Же-

Новые анекдоты Эмилия Ивановна узнает от своих учеников...

ня Сурвилло из Волгодонска. Их увлечения — туризм, шахматы, музыка... А потом Женья пела. Тут уж зал не мог сдержать эмоций. Достижения огромные! Но ведь и проблем много — пора решать их. Что ж, для этого они и собрались — педагоги, психологи, врачи, представители министерств образования, здравоохранения, труда и социального развития...

ВИНОВАТА ТРОЮРОДНАЯ СЕСТРА ВНУЧАТОГО ПЛЕМЯННИКА

В России около 15 млн глухих и слабослышащих. Правда, в это число входят и люди, страдающие старческим расстройством слуха. Сегодня речь — о недугах врожденных или приобретенных в раннем детстве.

Часто это наследственность. «Бракованный» ген прорезывается порой через два-три поколения, бывает, по боковой линии, скажем, от троюродной сестры внучатого племянника, которая, кажется, была глухонемой. И вот новая жертва.

Искать закономерности бессмысленно. Нередко у глухих родителей ребенок слышит, а у слышащих и говорящих — глухой. Или так: из двух детей один слышит, другой нет. Старшая сестра Жени Сурвилло,

например, учится на фортепьянном отделении Ростовского училища искусств. Ирония судьбы: у одной дочки абсолютный слух, у другой — абсолютная глухота.

Кроме наследственности, причиной глухоты могут быть: травма при родах, ушибы и падения, осложнения после гриппа, большие дозы антибиотиков...

— Любое нарушение слуха — это трагедия, — рассказывает Э. Леонгард. — И все же ребенку, поздно оглохшему, учиться легче. Он хоть успел услышать, как поют птицы, как гремит гром, он произнес слово «мама», откликнулся на свое

имя. В его памяти запечатлены образы каких-то вещей, явлений. Такие дети и говорят лучше. Ну, а родившиеся глухими... Еще недавно я, как и все, была уверена: помочь может только специалист. Тоже убеждала родителей: «Надо ждать до трех лет. Другого пути нет».

Советовать легко! Но где найти силы ждать, если постоянно видишь перед собой молчаливого, безучастного ко всему ребенка! Купают, кормят, гуляют с ним... И все, никакого контакта. Да и чего ждать?! Малыш все равно не заговорит! К тому же детский сад для глухих, как правило, — интернат, в лучшем случае пятидневка. На пятидневку и здорового отдавать жалко, а тут — глухонемой! И самое, пожалуй, ужасное, что уходит время: именно до трех лет мозг наиболее пластичен и восприимчив.

Некоторые родители наотрез отказывались от интерната: «Будем учить сами!» Просили, умоляли Эмилию Ивановну и ее коллег, требовали: «Вы же специалисты! Скажите, как учить глухого ребенка дома?»

Специалисты не знали. Хотя понимали: пришло время менять всю систему работы с глухими детьми. Но понимали и другое: методика — лишь полдела. Смогут ли родители взвалить на себя такую ношу, физическую и моральную? А взвалив, смогут ли выдержать?

— Легкой победы не ждите, — предупреждала Э. Леонгард. — Ребенок заговорит, обязательно заговорит. Но первое слово он скажет не через недели, не через месяцы. Через три-четыре года! Будут взлеты и падения, успехи и неудачи. Неудач больше, особенно вначале.

Кто же решится? Кто начнет эксперимент?

Первопроходцами стали Владимир Васильевич Назаров, электромеханик Одесского телецентра, и его дочка Оля.

МУЖ ПРИЕХАЛ ЗА НЕЙ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

На конференцию Оля не приехала. В конце 80-х годов она кончила в Одессе

школу и одна, без родственников и знакомых, отважно отправилась в город Павловск, под Петербургом. Учиться на художника-оформителя. Вышла замуж за иностранца, живет, кажется, в Италии.

Я видела Олю несколько раз, впервые — когда ей исполнилось 3,5 года. Глухота врожденная, наследственная: сестра матери — глухонемая.

До классной доски Оля, конечно, не доставала. Забралась на стул — и застучал по доске мел: «4+4=8». «По реке плывет пароход»... Прежде, чем выполнить задание, девочка повторяла его вслух. Вслух! Не картавила, не шепелявила, падежи, ударение — все на месте. Из двух табличек «Мальчик ловит рыбу» и «Мальчики ловят рыбу» безошибочно выбрала нужную. А на «десерт» произнесла труднейшее слово, которая она, маленькая одесситка, впервые услышала здесь, в Москве, — «лифт».

Через десять месяцев Оля уже считала до 100, произвела в пределах 20 сложение и вычитание, знала около 800 слов. Среди них — пирс, фонендоскоп, экскаватор! Говорила длинными фразами. Решила прочитать стихотворение, но ошиблась, запуталась и — подумав только! — оборвала себя на полуслове. Руками замахала: «Нет, не так. Я начну снова». Начала — и закончила, без сучка и задоринки. Не слышала, что говорит, но поняла: не так!

Специалисты отмечали тогда небывалый качественный скачок, который девочка сделала меньше чем за год. Речь ее, конечно, была хуже, чем у детей с нормальным слухом. Зато мышление, общее развитие — на уровне сверстников. А по чтению, счету и письму она значительно опережала их.

В общем, подобные примеры известны: даже слепоглухонемые порой диссертации защищают. Но это исключение из правил. Здесь успехи стали уже правилом. Маленькая Оля показала, чего можно добиться, если заниматься с глухим ребенком с самого раннего возраста.

— Учить глухого ребенка может каждый родитель, — уверяет Э. Леонгард. — Некоторые боятся, мол, нет педагогиче-

У одной дочки — абсолютный слух, у другой — абсолютная глухота

Они научились говорить

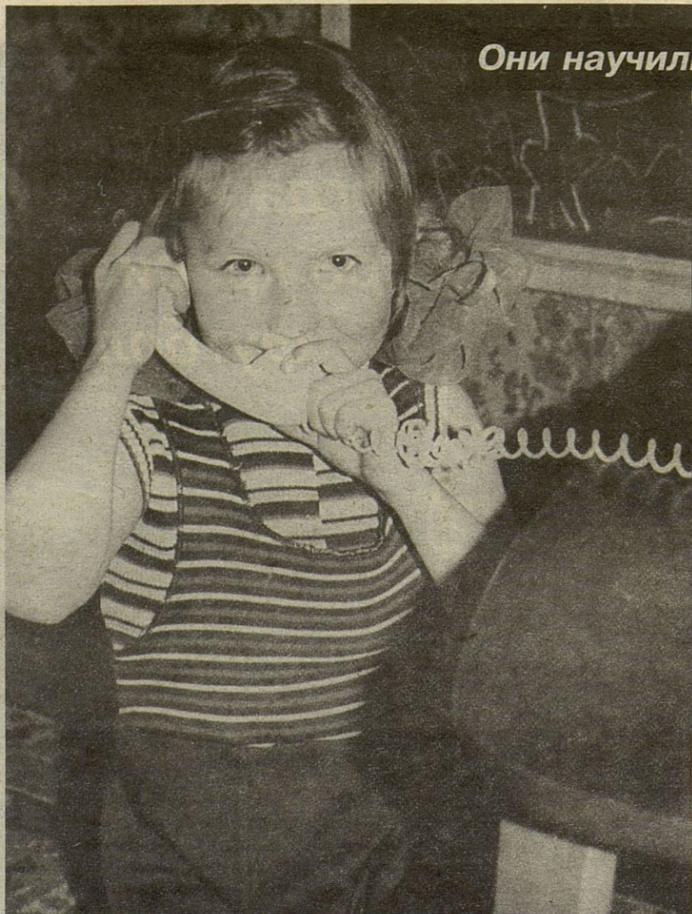

Фото: Маша БУБНОВА

Ответить мужу Маша Бубнова всегда сможет...

— ребенок наверняка остановится в своем развитии. Возможно, он забудет и те слова, которые с таким трудом выучил.

Надо идти в обычную массовую школу. Подводные рифы — на каждом шагу. Трудно не только учиться, но и контактировать с одноклассниками. Глухой ребенок понимает речь собеседника, глядя на него, «считывает слова с губ».

Для этого он, собеседник, должен обязательно стоять напротив. Никакой усиленной артикуляции, никакого напряжения — они считывают порой виртуозно. Но попробуйте заставить школьников хоть минутку постоять на месте!

Да что школьники! И учителя порой не понимают этого. Диктанты вроде бы совсем несложные, но у глухой девочки — двойка за двойкой... Сочинения пишет прекрасно, а здесь полный провал. «Винювата» учительница, которая, диктуя, ходит между рядами. Остановится у последней парты, за спиной глухого ребенка, — и он сразу делается беспомощным.

В таких случаях не помогает даже слуховой аппарат. Я обратила внимание: у всех подопечных Эмилии Ивановны длинные волосы. Закрывают уши, точнее — слуховые аппараты. Для слабослышащих это понятно: аппарат усиливает звук. Но глухим-то он зачем?

И опять — новая концепция Леонгард, идущая вразрез с общепринятой. Эмилия Ивановна доказала, что, во-первых, у детей даже с самой безнадерной аудио-

граммой практически всегда есть остатки слуха. Крохи, капля в море, но — есть! И, во-вторых, эта «капля», если ее обнаружить и развивать, сыграет огромную роль в становлении личности глухого ребенка. Обнаружить как можно раньше, развивать как можно активнее.

И еще шанс, который также направлен на развитие самых мельчайших остатков слуха: говорить прямо в ухо. Это тренировка, утомительная для родителей, порой неблагодарная. В начале обучения ребенок из 10 слов слышит в лучшем случае всего одно. В конце — четыре-пять. И это прекрасно.

Тем не менее Эмилия Ивановна постоянно подчеркивает: не каждый глухой, научившийся говорить, может и должен заниматься в массовой школе. С учебной серьезными проблем, как правило, не бывает. Чаще подводит фактор психологический. Значит, надо идти другим путем. Главное, что человек умеет говорить! Ну, а учиться можно и в школе для слабослышащих, и в специальных группах массовой школы. Пусть будет выбор — и методики, и школы. Что кому нравится, что кому по силам.

КАК ГЛУХОГО ЧУТЬ В АРМИЮ НЕ ЗАБРАЛИ

«Мы такие же, как все!» — доказывают они. И в самом деле — такие же! А может, еще лучше. Но вот попробуйте, например, устроиться на работу! Сейчас это для всех проблема, для них — проблема вдвойне, втройне.

Ира Сукачева: Помог папа, взял в свой институт. Когда там все развалилось, пошла на курсы массажистов. Кончила — на работу не берут. Кончила курсы парикмахеров. Опять не берут: с клиентом, мол, надо разговаривать! Да я же разговариваю!!» Снова папа помог...

Ира Яхлакова: При сокращении таких, как мы, увольняют в первую оче-

редь. Даже если зарекомендуешь себя хорошим работником. Пока воспитываю дочек. Ищу работу.

Юля Гаранина: Мне повезло. Прочитала в поликлинике объявление, что нужен специалист для работы на компьютере. Думала, откажут. Пошла к главному врачу, а у нее, оказывается, дочка — с нарушением слуха, учится во вспомогательной школе. Вот и пожалела меня! Платят мало, надеюсь на лучшее.

Они все надеются на лучшее. Отстаивают свое право жить в нормальном обществе. Преодолевают трудности.

Поверить, что глухие дети разговаривают и поют, действительно трудно. Многие и не верят. Дело порой доходит до курьезов.

— Однажды, — вспоминает Э. Леонгард, — наш воспитанник Дима пришел на медицинскую комиссию для освобождения от армии. Положил на стол аудиограмму, рассказал о себе. Члены комиссии возмутились: «Мы освобождаем глухих, а ты говорящий». Объясняет, что занимался по специальной методике. Не слушают: «Аудиограмме не верим. Делай снова».

Сделал. Опять не верят. Тут уж Эмилия Ивановна вмешалась, нашла старый номер журнала «В едином строю», где рассказывалось как раз о Диме: ребенок глухой. И фотография его даже была. Что ж, делать нечего, получил освобождение.

Ну, а другой парень, тоже воспитанник Леонгард, решил не испытывать судьбу. Когда вызвали в военкомат, на медицинскую комиссию, молча протянул свою аудиограмму. Руками размахивает, мычит... В общем, никаких сомнений: глухой.

Парень с юмором оказался. Получил освобождение и... «Спасибо, — говорит. — До свидания. Всего вам доброго. Будьте здоровы!»

У него «прорезался» голос, а у членов комиссии пропал дар речи...

Хочется говорить по телефону... Но они не видят собеседника...

ского образования. Напрасно боятся. Успех зависит не от диплома. Среди тех, кто помог своим малышам, высшее образование — лишь у половины. У Владимира Васильевича Назарова, например, 8 классов, а каким блестящим педагогом оказался! У Леночки Яровой мама — каменщица, за плечами всего 4 класса. А посмотрели бы на достижения девочки!

В ТЕМНОТЕ ГЛУХИЕ ДЕТИ ВАС НЕ ПОЙМУТ

Так столкнулись две концепции, два взгляда на личность ребенка, на особенности его развития. Одни по-прежнему считают: конечная цель воспитания глухого — научить его жить в обществе себе подобных. Концепция Эмилии Леонгард иная: такие дети должны жить в обычном обществе, в нормальной среде.

Одно дело — теория, другое — практика. Вот исполнилось ее подопечным 7 лет, все умеют говорить. Кто-то научился в экспериментальном детском саду, кто-то дома. А дальше-то что? Школа для глухонемых? Нет, только не это! Уровень их развития значительно выше. Кроме того, попав в атмосферу тишины — жуткую атмосферу!

У него «прорезался» голос, а у членов комиссии пропал дар речи...

ЖИЗНЬ ИЛИ КОШЕЛЕК

МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН СВЕЗЕТ ВАС В МОГИЛУ

Светлана ТУТОРСКАЯ

Говорить по телефону во время езды на автомобиле — это добавочный серьезный риск для водителя. К такому выводу привело исследование, которое осуществили для Автомобильного клуба ученые Бременского университета. При этом использование мобильного телефона гораздо более рискованно, чем разговор по рации.

Водители, которых тестировали, все без исключения в течение трех минут «в упор не видели» сигнала «Стоп». И еще три минуты, разговаривая, они меняли без надобности направление езды и тормозили не вовремя.

«Когда к основной задаче, вождению машины, прибавляется еще одна — звонить или отвечать на звонок, — наш мозг испытывает недостаток ресурсов», — заявил Дитрих Унгерер, руководитель исследования. «Любой даже самый опытный и самый тренированный водитель машины делает ошибки, когда ведет телефонные разговоры во время езды», — сказал вице-президент Автомобильного клуба Ом. В итоге клуб предупредил своих членов: воздерживаться от телефонных бесед в машине.

После тщательного исследования езды тех, кто говорил в переговорное устройство в течение шести минут, были отмечены достаточно серьезные ошибки — непра-

вильное переключение скоростей, езда не в ту сторону, ошибки при нажатии на педали газа и торможения. У тех, кто говорит по мобильному телефону, такие ошибки идут косяком уже в первые три минуты. И еще: у говорящих в переговорное устройство все шесть минут, а у владельцев мобильных телефонов — пять минут беседы была отмечена слишком медленная или слишком быстрая езда.

Говорящие по телефону также нередко забывают, поворачивая, взглянуть назад через плечо. Часто они тормозят рано, слишком поздно или не тормозят вообще.

Зафиксировано также, что пользователи мобильных телефонов в течение 85 процентов времени езды держат руль лишь одной рукой, а пять процентов времени вообще не держат руль.

Еще при одном испытании водителям было предложено проехать один и тот же отрезок пути три раза: без телефона, со свободным переговорным устройством и с мобильным телефоном. В каждой из поездок их сопровождал преподаватель автодела. «Мы, в общем, порадовались, когда инструкторы и испытуемые вернулись живыми», — прокомментировал итоги этих поездок Унгерер.

Сами испытуемые были, напротив, абсолютно убеждены, что они не сделали в пути ни одной ошибки. «Большинство, — сказал Унгерер, — были просто в шоке, когда им показали видеосъемки их езды».

Количество мобильных телефонов в Германии, сейчас примерно равное 7 миллионам, в 2000 году увеличится до 12 миллионов. А в Европе возрастет соответственно с нынешних 30 миллионов до 70 миллионов. Автомобильный клуб пока воздерживается от запрета разговоров по мобильным телефонам в автомобилях, как это сделано в Испании, Португалии, Италии и Швейцарии. Не идет речь и о полном запрете телефонных разговоров за рулем. Все же телефон в машине дает возможность быстро вызвать помощь при несчастном случае или оперативно передать информацию, имеющую жизненно важное значение.

■ (По материалам «Франкфуртер альгемайне Цайтунг»)

P. S. Запрещать или не запрещать — это одна проблема. Но для всякого, кто трезво мыслит, эта информация чрезвычайно важна как серьезнейшее предостережение. Так сказать, информирован — значит вооружен. И еще один неожиданный «выход» из этой заметки. Известно, что наши, скажем так, состоятельные люди сплошь да рядом неважно водят машину. Теперь ясное очень важная причина: телефонные разговоры. Что, конечно, еще опаснее при несоблюдении правил дорожного движения. Потому что какой же новый русский не любит быстрой езды с мобильным телефоном возле уха?